

**СТОЛКНОВЕНИЕ МОТИВА ЮРОДСТВА С ТРАДИЦИЕЙ
КАРНАВАЛИЗАЦИИ
(на материале произведения В. Ерофеева "Москва-Петушки")**

ДОЛГОВ Вячеслав, преподаватель
(Бэлцкий госуниверситет)

Поэма Венедикта Ерофеева "Москва-Петушки" успешно интерпретируется в христианском православном контексте. Множество библейских образов и символов, евангельских реминисценций и христианских мотивов, образующих дихотомии «рай/ад», «душа/тело», «смерть/воскресение» и т.д., укрепляют религиозно-нравственную основу поэмы. В неё вполне органично включён Веничка, персонаж, своеобразие которого обусловлено связью с традицией древнерусского юродства.

Анализ образа юродивого в литературе позволяет выделить следующую парадигму свойственных ему черт: особая поведенческая и речевая выразительность, странничество и тотальное одиночество героя, отвергаемого миром, парадоксальный взгляд на мир, неоднозначность восприятия его людьми (святой/сумасшедший), связь с божественным началом и демократической культурой. Всеми этими чертами отличается Веня. Кроме того, он целомудрен, милосерден, «кроток и тих»; как сын Божий, ощущает в себе заданность пострадать за людей, взять на себя их грехи. А окружающие его люди, напротив, бездушны и жестоки (в этом отношении примечателен факт «разложения телесности», представленный в главе «43-й километр – Храпуново»). Веничка не назойливо, а как бы между прочим, подчеркивает свое предназначение, и не только он. Что-то неземное видят в нем и окружающие. Он, как Сын Божий, обращает людей к духовному: «Ведь в человеке не одна только физическая сторона; в нем и духовная сторона есть и есть – больше того – есть сторона «мистическая, сверхдуховная сторона» [1, 135]. Примечательно, что делает он это серьезно-комически.

Иллюзорный, часто абсурдный, но не теряющий знаков объективной реальности мир (в нём представлены и мировая культура, и история, и литература, и политические события современности) генерирован «иным сознанием» (термин В. Руднева -2) двойника Венедикта Ерофеева. Полемичность, как своеобразное проявление юрод-

ства, отражается в особенностях мировосприятия героя, средством выражения которого в рамках постмодернистской литературы могут выступать “шизофренический”, “параноидальный”, “алкогольный” и прочие дискурсы. Они родственны безумию в его культурном понимании. Может возникнуть впечатление, что вся ткань повествования создана пограничным состоянием похмелья – еще не пьян, но уже не трезв, “когда у человека с похмелья все нервы навывпуск, когда он **малодушен** и тих! ...о, если бы весь мир, если бы каждый в мире был бы, как я сейчас, **тих и боязлив** и был бы также **ни в чем не уверен**: ни в себе, ни в серьезности своего места под небом - как хорошо было бы!” [1, 137]. Это “малодушие” будет преодолеваться в тексте мотивом пьянства. Алкоголь станет символом целого народа, поколения, пороком и, одновременно, средством соединения с божественным, но и необходимостью сосуществования с миром, который не приемлет Веня. Окружающие его персонажи (рамки расширяются до пределов страны за счет предельной степени обобщения в образной системе) – это люди без души, “мертвые души”, также предстающие в пьяном угаре.

Первое, что, скорее всего, возникает в читательском сознании в связи с образом Венечки – представление о нем как об отвратительном типе, забулдыге, пошляке, цинике и т.д., а сама книга видится «неприличной», с «неэстетичной темой», скучной и монотонной. Это и не противоречит сути юродства. Ведь презрение к общественным приличиям составляет нечто вроде привилегии и неперемного условия юродства («безобразие юродства возможно лишь потому, что эстетический момент поглощен этикой» [3, 80]). Но в тексте не просто смещаются акценты «высокого» и «низкого», в большинстве случаев они оборачиваются каждый своей противоположностью. Логике такого построения текста следует искать в природе карнавализации, которая является особым мировидением. Сам Венедикт Ерофеев признался, что в процессе работы над поэмой испытывал влияние работы М.М. Бахтина “Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса”. И жанр, и способ повествования, и образы, и сюжет, и композиция, и литературные реминисценции в поэме Ерофеева – все предстает в перевернутом, травестированном, карнавальном виде. Два мирообраза поэмы – сакральный и профанный – взаимодействуют, трансформируя все, что попадает в их сферу, амбивалентно изображая трагическое и комическое. Этим и объясняется разностильность текста. Интеллигент, интеллектуал начинает говорить

на языке распивочных и подворотен («Парадоксальное на первый взгляд сочетание этих слов — «юродство» и «интеллигентность» — не должно нас смущать. Юродство действительно могло быть одной из форм интеллигентного и интеллектуального критицизма» [3, 156]).

Рассмотрим образ главного героя и некоторые его речевые особенности.

Веничка вобрал в себя высокое и низменное. Герой поэмы Ерофеева удручен, уязвлен «страданиями человечества», чем и оправданы его слёзы (правда, с другой стороны, они отчасти вызваны непомерным питьем). Исследователь Е. Смирнова отмечает: «Ерофеев без всяких обиняков включает евангельскую тему в свое вызывающе сниженное смеховое повествование, его герой ориентирован в одно и то же время на две различные художественные стихии – мир грубой и грязной современности и сакральный мир Евангелия» [4, 60]. В одном и том же высказывании Вени почти всегда сталкиваются «сакральное» и «профанное», и первое, обычно подменяясь вторым, нейтрализуется, но не разрушается. Так возвышенное может обернуться пародийно-комическим или же усилить ощущение трагизма (доминирующее в поэме). Логика «обратности», травестийности, при которых причина и следствие – из разных рядов, когда посыл не соответствует умозаключению, сравнение и сравниваемое – из разных, никак не стыкующихся сфер, характеризует стиль рассказчика. Например: «Ведь в человеке... есть сторона **мистическая, сверхдуховная** сторона. Так вот, я каждую минуту ждал, что меня посреди площади **начнет тошнить со всех трех сторон**» [1, 135]. Довольно частотны и примеры абсурда. Например: «Такси обтекают меня со всех четырех сторон. Люди – тоже, и смотрят так дико: думают, наверное, –изваять его вот так, **в назидание народам древности**, или не изваять?» [1, 138-139]

Сам Вениа часто попадает в ситуации, объяснимые лишь с точки зрения логики «обратности». Стремясь, например, в Петушки, он окажется в Москве, а, тысячу раз исходив «по Москве с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец и как попало», так и не видел Кремля. Апофеозом карнавализации станет травестия в прямом значении, когда в перевернутом мире карнавала (в пьяном бреде героя, что в данном случае синонимично) Веничку принимают за кого-то, кому «дома бы лучше сидеть и уроки готовить», то вдруг за «милую странницу».

Бранная, сниженная лексика в поэме тоже не случайна, вернее, ее функция не ограничивается необходимостью создания правдивого образа пьяницы. Она закономерно вписывается в эстетику карнавала. Бахтин считает, что брань, ругательства, сопряженные с философией «низа», призваны через смерть, уничтожение возродить землю (жизнь). Ведь карнавал – это промежуточная стадия между жизнью и смертью и новым рождением. Этимология ругательств, забытая ныне, не носила прежде оскорбительного характера, а иллюстрировала новое рождение космоса из хаоса, на этом основаны все земледельческие обряды, корни которых в язычестве. Именно поэтому сквернословит Венчик без зла. Зато иногда, вспоминая как бы своё предназначение, он отвечает ангелам, которые его сопровождают: «И чего вам бояться за меня, небесные ангелы? Что я опять начну выражаться? О, нет, нет, я просто не знал, что вы постоянно со мной, я и раньше не стал бы... Я с каждой минутой все счастливей... и если теперь начну сквернословить, то как-нибудь счастливо... как в стихах германских поэтов: «Я покажу вам радугу!» или «Идите к жемчугам!...».

Резюме

Карнавализация со всем спектром приемов в поэме Ерофеева строится как диалог настоящего с прошлым, культуры с псевдокультурой, здравого смысла с клишированными суждениями, чего и требует карнавальная эстетика. Бахтинская теория комизма применена к праздникам, экстраординарным ситуациям, ерофеевская же система карнавала характеризует русское сознание как таковое. Столкновение мотива юродства с традицией карнавализации приводит в результате к парадоксальному объединению высокого и низкого, сакрального и профанного, комического и трагического.

Примечания

1. Поэма Ерофеева цитируется по изданию: Ерофеев В. В. Записки психопата. Москва-Петушки. - М.: Вагриус, 2000.
2. В. П. Руднев. Энциклопедический словарь культуры XX века. - М.: Аграф, 2003.
3. А. М. Панченко. Смех как зрелище. // Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. - Л., 1984.
4. Е. А. Смирнова. Венедикт Ерофеев глазами гоголеведа // "Русская литература", 1990, №3.